

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2016.4.1

Еще раз об истории разработки теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в СССР, подготовке и принятии «Закона о молодежи»

И. М. Ильинский

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье представлены воспоминания одного из ведущих отечественных исследователей молодежной проблематики о том, как начиналась разработка государственной молодежной политики (ГМП) в СССР в 1980-е годы. Тогда создавались теория и концепция ГМП, «Закон о молодежи», работала ведущая организация по исследованию молодежных проблем в стране — Научно-исследовательский центр (НИЦ) при Высшей комсомольской школе, где трудилось более 200 научных работников. Директором этого единственного в стране научного учреждения, способного проводить масштабные и комплексные исследования молодежи, был И. М. Ильинский.

Идеи ГМП автор привез из Швеции, где он неоднократно бывал на международных конференциях начиная с 1984 г. В Швеции оказалось много проблем у молодежи, но и была хорошо организована государственная система по решению этих проблем. Это побудило автора задуматься об отсутствии в СССР научно обоснованной государственной политики в отношении молодежи.

В 1986 г. автор выступил на научной сессии, посвященной 10-летию НИЦ при ВКШ, с докладом «Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества». Это было первое в Советском Союзе изложение идеи и принципиальных основ ГМП. Инициатива была поддержана руководством комсомола. Утверждение концепции и самого термина «государственная молодежная политика» было не просто теоретическими изысками, а сопровождалось сложной политической и идейной борьбой. Несмотря на это, в результате долговременной и трудной борьбы были разработаны теоретические и правовые основы концепции ГМП, подготовлен законопроект «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», которые прочно вошли в научный оборот, общественное сознание и общественную практику. С уничтожением СССР в 1991 г. история Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» как юридического акта завершилась: он не вошел в состав нормативных правовых актов Российской Федерации. Но это был финал закона только по форме. Теоретические основы ГМП и ее содержание, правовые нормы закона продолжают оказывать важное воздействие на весь процесс строительства государственной молодежной политики в «новой» России по сей день.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; молодежная политика; молодежь; проблемы молодежи; Закон о молодежи; НИЦ при ВКШ

О том, кто, когда и почему **первым** публично выдвинул идею о необходимости научной разработки и практической реализации **государственной** молодежной политики (сокращенно — ГМП) еще в годы существования СССР; кто заложил ее теоретические основы и настоял на крайней важности закрепления этой политики в особом общесоюзном «Законе СССР о молодежи», а затем организационно и научно возглавил его подготовку и вместе с группой талантливых молодых ученых-энтузиастов почти четыре с половиной года отчаянно воевал с идеологической зашоренностью и обыкновенной умственной ограниченностью тех сотен и тысяч «ответственных» работников властных структур, «по долгу службы» стоявших на пути осуществления Идеи, кто не мог или не хотел понять ее спасительную роль для существовавшего общественного строя, — мною сказано почти все и вроде бы недавно: в моей книге «Молодежь и молодежная политика. Философия. Теория. Практика», изданной издательством «Голос» в 2001 г. (Ильинский, 2001), глава «История возникновения государственной молодежной политики в России» занимает 83 страницы. Тираж в 3000 экземпляров исчез с прилавков книжных магазинов быстро. Основные покупатели — исследователи молодежи и работники разного рода молодежных служб.

В 2008 г. я и Вал. Луков, порывшись в своих архивах, собрали документы и материалы, которые использовались и создавались нами при подготовке «Закона СССР о молодежи» (первое условное название). Далеко не все они уложились в два тома, вышедшие под названием «Закон о молодежи. Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России». Общий объем — более 1000 страниц (Закон о молодежи ... , 2008ab).

Этим изданием мы на основе документов демонстрируем, какой может, а по сути — должна быть работа над любым законопроектом, если предлагаемые в нем нормы права затрагивают интересы больших социальных групп, как должна быть организована дискуссия по законопроекту в профессиональных кругах и в обществе.

Зачем нужен столь долгий «заход» в моей статье? И вообще — зачем она нужна? Что случилось?

Дело в том, что в нынешней литературе о государственной молодежной политике этап о возникновении идеи, теоретическом обосновании и концепции ГМП, многолетней работы над законопроектом и борьбы за его принятие Верховным Советом обычно замалчивается или грубо искажается.

Например, В. А. Родионов в статье «Государственная молодежная политика: история и перспективы» писал: «Первые шаги перестройки в бывшем СССР и Российской Федерации сопровождалась попытками выработки **сильной социальной политики**, важным направлением которой в результате многолетних дискуссий в конце концов была **признана молодежная политика**. Оформлением этого стало принятие в мае 1991 г. Закона СССР «О государственной молодежной политике», подготовленного в НИЦ при ИМ». Во-первых, о социальной политике заговорили всерьез после принятия Закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», и разрабатывать законопроект о ней поручили опять-таки НИЦ: по этому поводу мною был подписан договор с Госкомтруда СССР (зам. председателя ведомства Е. Д. Катульский). И — ни слова об истории собственно государственной молодежной политики, «многолетних дискуссиях», об участниках дискуссии, авторах закона, который и назван В. А. Родионовым неправильно («Молодежь-97: надежды и разочарования». Кн. 1. НИЦ при Институте молодежи. М. 1997, с. 53). Парадокс в том, что этот

человек был назначен мною, как ректором Института молодежи, директором НИЦ, и некоторое время исполнял эти обязанности...

Некто В. Нехаев так представляет картину этой работы в книге, посвященной ГМП: «В Верховном Совете СССР рассматривался вариант проекта закона, подготовленный ЦК ВЛКСМ и специально созданным временным творческим коллективом ученых и практиков» (Нехаев, Нехаева, 1999: 39). Собственно, это все, что сообщает читателю исследователь, защитивший докторскую диссертацию по истории ГМП и имевший доступ ко всем материалам работы Научно-исследовательского центра при Высшей комсомольской школе (НИЦ при ВКШ), касавшимся «Закона о молодежи».

Еще более удивительно то, что научным руководителем по диссертации у обоих этих «ученых» был один из докторов исторических наук, также работавший в нашем Центре все годы, пока идея ГМП и законопроект о ней с боями пробивались сквозь личные предубеждения, научное невежество и политические препоны. Этот человек знал все о том, как шли дела на самом деле. Он не был вовлечен в нашу работу только из-за неспособности принести пользу именно в такого рода деятельности. Как и некоторые другие, тайно завидовал нам, когда мы вот так добивались очередного успеха и шаг за шагом продвигались к цели. Этот человек ушел из жизни, и Бог с ним. Но зависть!.. Как говорил Мольер: «Завистники умрут, а зависть — никогда». Зависть — это религия нравственных калек. Поэтому, когда я читаю некоторые «доктрины» и «стратегии», кое-какие публикации по вопросам ГМП, в которых их авторы пренебрежительно говорят о том, что было сделано теми, кто жил и работал до них, и при этом искренне верят, что именно они первые выходят на «правильные» идеи, как всяких калек, мне их просто жаль.

Неблагодарность — худший из всех пороков. Но даже это не главное. Ведь существует единая для всех исследователей научная этика. Более того, сам метод познания требует: прежде чем браться за перо, изучи труды своих предшественников, ну а если мечтаешь взгромоздиться на чьи-то плечи, узнай хотя бы имя человека, на горбу которого собираешься топтаться...

Чтобы наука и дела наши не страдали, необходимо двигаться вперед, дальше, выше, а не сооружать непременно свои, отдельно стоящие «кочки зрения», делать вид, будто все не продолжается только, а только начинается. И не сама по себе, а благодаря твоему упорству и неумной энергии...

И тут по отношению к НИЦ и лично ко мне кое-кем руководила все та же зависть, особенно некоторыми скрытыми врагами советской власти, колготившимися в «перестроечные» времена вокруг Т. И. Заславской — президента социологической ассоциации СССР и советника М. С. Горбачева, снабжавшей его «правильными» опросами так называемого общественного мнения. Эти едва скрывали свою ненависть к нам. Мы-то ведь, выворачивавшие наружу, напоказ всему обществу всю правду-матку, все проблемы молодежи, не были диссидентами. Мы хотели помочь властям как можно скорее избавиться от них и искренне верили, что и власти озабочены тем же. Мы обманулись и в тех, и в других, но поняли это, увы, запоздало.

Поэтому одна из задач этой публикации состоит в том, чтобы еще раз информировать научную общественность, политических деятелей и практиков, работающих в органах власти и организациях, осуществляющих задачи молодежной политики, о том, как в действительности, а не в фантазиях плагиаторов и шулеров в науке шел процесс становления теоретических основ, правовых норм и механизмов, организационных структур государственной и общественной молодежной политики.

В 1980-е годы, когда разрабатывалась теория и концепция ГМП, создавался Закон о молодежи, Научно-исследовательский центр при ВКШ был крупнейшей и ведущей организацией по исследованию молодежных проблем в СССР. В НИЦ трудилось более 200 научных работников, сотрудничавших со всеми советскими и со множеством зарубежных ученых-молодежников. Центр был широко известен в мировом научном сообществе.

Будучи директором НИЦ, я на пять лет был избран вице-президентом ИК-34 (исследование молодежи) Всемирной социологической ассоциации, единственным представителем от СССР из семи соавторов (Великобритания, ФРГ, Франция, США, Италия, Испания) доклада ЮНЕСКО о положении молодежи в мировом сообществе. В 1990 г. я был руководителем научного коллектива, состоявшего из работников нашего Научно-исследовательского центра, которому была поручена Венским центром ООН подготовка доклада для Генерального секретаря ООН «Глобальное положение молодежи: тенденции и перспективы до 2000 года» (The Global Situation of Youth: Trends and Prospects Towards to 2000). В течение 10 лет я исполнял обязанности Главного ученого секретаря Общественной комиссии по координации исследований молодежи при ЦК ВЛКСМ Министерства высшего профессионального образования СССР, Академии педагогических наук, Академии наук СССР, объединившей 19 секций по различным отраслям знания, в которую входили более 500 лучших исследователей-молодежников СССР. На ежегодных собраниях комиссии с участием большинства из 500 ученых я выступал с докладом о состоянии исследований молодежи в отдельных регионах, а иногда и всей страны. Таковыми были место и роль НИЦ в исследованиях молодежи, и никто не покушался на них в те годы.

Но как только Советский Союз был уничтожен и политическая конъюнктура изменилась, наши некоторые бывшие «друзья» тут же попытались повесить на НИЦ ярлык прислужника советской власти и КПСС, изображая его роль в исследованиях молодежи и развитии отечественной социологии как учреждения, лишь выполнявшего «комсомольские» исследования, которые носили «заказной» характер и «подверстывались» под разработку планов социального развития в разделе «коммунистическое воспитание молодежи» (Социология в России, 1998: 1361). В это же время (якобы!) именно академические ученые исследовали молодежь вне конъюнктуры. Можно было бы затеять дискуссию, да не стоит. Есть всего один вопрос: где их труды? И где их хотя бы один проект закона о ГМП? Я его не видел. Нелепость и первого, и второго утверждения столь очевидна для реальных участников разработки концепции ГМП, законопроекта о ней, а также социологических исследований молодежи в советское время, что кроме цитероновского *O tempora, o mores!* и добавить нечего.

Что заставляет меня биться за свой приоритет в появлении в СССР, а теперь и существовании в России государственной молодежной политики и так называемого Закона о молодежи? Ведь ГМП не является моим «изобретением», это «завозная» идея — я привез ее в СССР из шведского города Вестерос, с муниципалитетом которого после моей поездки на международную конференцию в 1984 г. у меня установились дружеские отношения. В 1985 г. меня снова пригласили в Швецию, я познакомился с директором Шведского института молодежи, а тот предложил мне принять участие в написании книги «Шведская молодежь глазами иностранцев», над которой уже трудилась группа исследователей из других стран. Я включился в работу. Оказалось, что в Швеции много проблем с молодежью.

И вот тут я узнал, что такое государственная молодежная политика. Некоторые вещи просто поразили меня. Весьма солидный бюджет, который правительство выделяло на реализацию ГМП, поддержку молодежных организаций независимо от их численности и политических ориентаций. Например, социал-демократическое правительство Швеции, где в тот момент существовало два коммунистических союза молодежи — ленинский и сталинский, финансировало оба этих союза наряду с другими молодежными объединениями. Удивило то, что молодежные структуры отчитывались за потраченные деньги не кассовыми чеками и прочими финансовыми документами, а письменными докладами о том, на какие дела они потратили эти деньги и каких результатов добились. Я встретил в шведской модели молодежной политики много необычного и, как показалось мне, странного. Но главное, что буквально восхитило и привело меня в восторг, — это то, как высоко стояла в Швеции государственная молодежная политика над всеми другими сферами государства. По существу, она доминировала над большинством из них. В каком смысле? При принятии любого серьезного постановления каким-либо органом государственной власти (Министерством образования, Министерством здравоохранения, Министерством труда, Министерством физической культуры и спорта и т. п.) проект этого постановления должен быть обязательно согласован с Комитетом по делам молодежи (КДМ). Характер визы КДМ («за» или «против») определялся в зависимости от того, лучше или хуже становилось молодежи от этого постановления уже в настоящем времени, а также — в будущем.

Если КДМ высказывал замечания, приемлемые для министерства, в постановление вносились приемлемые обеими сторонами изменения. Если же КДМ и министерство расходились во мнениях, правительство Швеции создавало согласительную комиссию, и она улаживала конфликт, оберегая прежде всего права молодежи, поддерживая меры, направленные на улучшение положения в молодежной среде. Видимо, таким образом шведское общество и государство постепенно исправляли то жуткое положение вещей в этой среде, которое я собственными глазами увидел еще осенью 1967 г., когда во главе делегации Комитета молодежных организаций СССР впервые приехал в Швецию и в течение 25 дней посетил много разных заведений: школ для слабоумных детей, домов для молодых наркоманов и алкоголиков, детских тюрем. Там я впервые услышал слова «ювенальная юстиция» — детская и молодежная преступность захлестнула Швецию. Порнографические фильмы от трех до пяти «звезд» (самые «крутые») шли на открытых экранах кинотеатров. Гомосексуализм, лесбиянство, педофилия, проституция — для нас, советских людей, имели в этой стране немыслимые масштабы. Нация, сотни лет ведущая оседлый образ жизни в небольших городах, маленьких деревушках и на хуторах, неизбежно вступала в родственное кровосмешение и, как следствие, вырождалась. Как раз в те годы правительство Швеции приняло решение пригласить в страну на постоянное жительство 300 тысяч физических здоровых мужчин с высшим образованием для оздоровления народонаселения...

После одной из своих последних поездок в Швецию в 1989 г. (Стокгольм, Вестерос, Упсала), где мне предложили прочитать несколько лекций студентам местного университета, я написал статью «Эти “ненормальные” шведы», опубликовав ее в двух номерах газеты «Известия» (Ильинский, 1989).

К чему я так долго говорю о шведской модели ГМП? Работая в комсомоле, в журнале, в научном центре, сталкиваясь с молодежными проблемами в повседневной жизни, я то и дело задумывался: а почему в нашей стране в отношении молодежи нет

никакой научно обоснованной политики? Даже у КПСС только одна неизменная и самая главная задача: коммунистическое воспитание молодежи. Весь теоретический багаж — речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ в 1920 г. А в речи этой (если сказать упрощенно и кратко) «тремя кругами» Владимир Ильич говорит, по сути дела, об одном и том же: что молодежь должна учиться; чтобы стать настоящим коммунистом, надо овладеть всеми знаниями, которые выработало человечество, и т. п.

Вот в 1968 г. вышло новое программное постановление. О чем оно прежде всего? «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи». Воспитание — дело великое и совершенно необходимое. Надо отметить, что в этом постановлении было намечено немало мер и другого характера — относительно условий труда, быта, отдыха, здоровья молодежи и т. п. Однако решение всех этих задач в конечном счете отдавалось на откуп комсомолу — организации влиятельной, но общественной, не сравнимой по мощи с государством.

И все же именно в руководстве комсомола, в ЦК ВЛКСМ еще в конце далеких 60-х годов прошлого столетия было ясно понимание того, что в решение молодежных проблем следует более основательно, чем это было, включить государство и сделать это на правовой, законодательной основе. Именно ЦК ВЛКСМ в 1967 г. создал специальную Комиссию по подготовке «Закона СССР о молодежи».

Случилось так, что я участвовал в этой первой попытке создать такой закон, затем — через десятилетие, в 1977 г. был членом Комиссии, разрабатывавшей второй вариант «Закона о молодежи». Как это происходило, расскажу ниже.

А в разгар «перестройки», будучи уже почти два года директором Научно-исследовательского центра при Высшей комсомольской школе (ВКШ), я на свой страх и риск, не согласуя свои идеи ни с «первым» ЦК комсомола В. Мироненко, ни с работниками аппарата ЦК КПСС, выступил 29 октября 1986 г. на научной сессии, посвященной 10-летию НИЦ при Высшей комсомольской школе, с обстоятельным докладом «Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества» (полный текст доклада см.: Ильинский: Электронный ресурс), представив в нем объективные причины необходимости разработки теоретических и правовых основ и осуществления в СССР государственной молодежной политики. Это было первое в Советском Союзе изложение идеи и принципиальных основ (подчеркиваю!) государственной молодежной политики.

В чем заключался для меня «страх и риск» доклада о разработке концепции и реализации в СССР ГМП, да еще взятой в рамки закона без всякого согласования в «верхах»? Да ведь даже если представлять ГМП в «узком смысле» (льготы «слабой» части молодежи — инвалидам, несовершеннолетним, молодым семьям, кредиты для приобретения жилья, цены на посещение культурно-просветительских и спортивно-оздоровительных мероприятий, поддержка предпринимательской деятельности молодых граждан и молодежных организаций и т. п.), то это означало, что ГМП становится еще одним важным направлением деятельности Союза ССР и его республик. У государства возникала масса новых вопросов обеспечения полноценной ГМП, и прежде всего — ее финансирования, создания материальной базы и т. д. А в стране и без того экономический кризис. Где взять деньги, если согласиться с идеей ГМП и принять по этому поводу специальный закон?

Сам собой возникал вопрос: «Кто такой этот человек, выдвинувший эту сумасшедшую идею в такой неподходящий исторический момент без всякого согласования

с властями? Зачем он будоражит народ, и прежде всего молодежь?.. К ответу! Партбилет — на стол и вон с директорской должности!..»

Самое интересное, что почти так и сказал мне присутствовавший на научной сессии ректор ВКШ Г. С. Головачев. Но первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мироненко, также участвовавший в юбилейном собрании, поддержал мои идеи.

О своем понимании ГМП в «широком смысле», когда Государственный комитет по делам молодежи (как в Швеции) отслеживает постановления других министерств и ведомств с точки зрения нанесения ущерба правам и свободам молодежи в рамках Настоящего и грядущего Будущего (т. е., по сути дела, координирует деятельность министерств образования, труда, здравоохранения, культуры, спорта, отдыха и других в интересах молодежи), — я помалкивал. И, честно говоря, не верил, что в СССР такое возможно. Но в 1990 г. ЦК КПСС признал такой подход. Однако об этом скажу позже...

И мы начали «пахать». Разработку аргументов о необходимости осуществления в СССР ГМП, разработку ее теоретических и правовых основ, создание концепции и проекта «Закона о молодежи» я поставил в центр деятельности всего НИЦ. Я все-рвез «заболел» идеей ГМП, видя перед собой печальную ситуацию шведской молодежи тех лет, когда я бывал там, и шведскую модель ГМП в том виде, как она осуществлялась в этой стране. Ибо с каждым годом горбачевской «перестройки» понимал, что и в этой сфере страна катится вниз. Борьба за идею государственной молодежной политики и подготовки «Закона о молодежи» стала делом моей жизни и была таковой, пока мы не добились окончательного успеха 16 апреля 1991 года...

А начиналось все в 1967 г., почти 30 лет назад до этой даты. Три этапа одной истории... А в ней ответ на вопрос: почему именно я выдвинул идею о необходимости осуществления в СССР государственной молодежной политики, теоретически обосновал эту необходимость, а потом стал научным руководителем и одним из соавторов «Закона СССР о молодежи»?

Так случилось...

Вначале был случай...

Случай не раз играл в моей жизни и добрую, и злую роль. Поначалу мне помогли сразу два добрых случая, перед которыми я должен преклониться: первый раз за то, что эти случаи представились мне, второй — за то, что я сумел успешно воспользоваться ими.

Считаю, что участником **самой первой** попытки создания «Закона о молодежи» в 1967 г., названного в окончательном варианте общесоюзным законом «**О повышении роли советской молодежи и молодежных организаций во всех областях государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства СССР**», я оказался в основном действительно случайно. Проект был подготовлен **Комиссией ЦК ВЛКСМ**, составленной из представителей различных ведомств и организаций, в том числе министерств: высшего и среднего специального образования, финансов, просвещения, культуры, обороны, охраны общественного порядка, здравоохранения, а также Госплана СССР, Комитета по вопросам труда и заработной платы, ЦСУ, Юридической комиссии, Верховного Совета СССР, ВЦСПС, ДОСААФ, Всесоюзного совета спортивных обществ и организаций, Союза советских писателей. В работе комиссии принимали участие ученые, сотрудники молодежных газет и журналов, **работники ЦК ВЛКСМ**. Одним из них оказался я. Но как и почему это произошло?

Тогда мне и самому это казалось странным: ведь по образованию в тот момент я был чистый «технар»: техник-механик, инженер-механик плюс два курса танко-технического училища. В юриспруденции не смыслил ровным счетом ничего. На работу в аппарат ЦК комсомола меня отозвали из Новосибирска с должности начальника механо-сборочного цеха оборонного завода, выпускавшего ракеты типа «земля-воздух».

Да, до работы на заводе я два года потрудился секретарем комитета комсомола крупной военизированной стройки, четыре года — первым секретарем райкома комсомола. За годы комсомольской работы бессистемно «проглотил» массу философских, исторических, педагогических, социально-психологических книг и статей. Юриспруденция меня почему-то совершенно не интересовала.

И вот я вдруг заседаю среди светил Института государства и права Академии наук СССР и прочих грамотеев в этой области. Эти люди иногда спорили между собой о каких-то юридических проблемах, и тогда я начинал ощущать себя круглым дураком.

Почему я оказался в этой специфической комиссии, я, в общем-то, догадывался. Случай!..

На одном из заседаний Бюро ЦК ВЛКСМ, обсуждавшем Тезисы ЦК ВЛКСМ к предстоящему в октябре 1968 г. 50-летию комсомола, в переполненном зале первый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлович Павлов, раскритиковав представленный вариант тезисов, сказал, что группу, их написавшую, надо обновить более способными людьми... И вдруг заявил: «Вот, например, Ильинский... Светлая голова!..» Павлов знал меня по статьям в «Комсомолке» и других газетах, я сопровождал его в трехдневной командировке в Мурманскую область на Северный военно-морской флот, и тогда мы разговаривали о разных вещах.

Именно после этого заседания Бюро меня и начали «включать» во всякие группы, готовившие речи, доклады на пленумы ЦК и съезды комсомола. А тут началась подготовка «Закона СССР о молодежи»... Кто автор этого термина, доподлинно неизвестно. Но вот факт: 9 февраля 1967 г. была составлена «Краткая объяснительная записка к проекту Закона о молодежи» (Закон о молодежи ... , 2008а: 29–32). Сказать, кто автор этого термина, трудно, но я думаю, что таковым является С. П. Павлов — человек умный, сам прекрасно владевший пером.

В тот раз в этой авторитетной комиссии я был в основном молчаливым свидетелем, хотя постепенно смелел и что-то говорил...

Первый законопроект был «похоронен» в каком-то кабинете ЦК КПСС. В каком и почему? Не знаю.

Для злых критиков советского прошлого, в том числе комсомола, хочу еще раз отметить: инициатором разработки «Закона СССР о молодежи» был именно комсомол, точнее — его ЦК.

Вторая попытка создания «Закона СССР о молодежи» была предпринята через десятилетие. Снова по инициативе ЦК ВЛКСМ. Выступая на XXV съезде КПСС, первый секретарь ЦК комсомола Е. М. Тяжельников, в частности, сказал: «...по нашему мнению, следовало бы рассмотреть вопрос о разработке специального Закона о молодежи (XXV съезд КПСС ... , 1976: 333).

В 1977 г. была создана Рабочая комиссия по подготовке предложений о разработке проекта «Закона СССР о молодежи» (Закон о молодежи ... , 2008а: 100–104) в количестве 34 человек на уровне заместителей министров, руководителей различных ведомств и организаций, ученых и работников ЦК ВЛКСМ.

Я снова оказался в составе Рабочей группы, которую возглавлял В. А. Саюшев — первый заместитель председателя Госкомитета Совета министров СССР по профтехобразованию (в начале 60-х годов XX века он работал вторым секретарем ЦК комсомола).

За истекшее десятилетие в моей жизни произошли три резких поворота. В 1968 г. я был назначен заместителем заведующего Отделом комсомольских органов, курировал три сектора: Украины и Молдавии; Латвии, Литвы и Эстонии; республик Закавказья — Армении, Азербайджана и Грузии. А также отвечал за подготовку и переподготовку комсомольских кадров: более 150 тысяч штатных работников, 47 зональных и республиканских школ, в которых проходили обучение и переподготовку около 3 миллионов комсомольских активистов.

Командировки в эти и другие национальные республики, где я встречался на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в вузах и научных учреждениях с молодыми людьми, руководителями различных рангов (в том числе работниками спецслужб), открыли мне глаза на многие проблемы, которых в Центральной России, тем более на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, практически не существовало. Прежде всего — это национализм, коррупция, очковничество. Это давало мне широкое поле для размышлений о ситуации в стране и молодежной среде.

В 1968 г. было принято решение ЦК КПСС о создании Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ как высшего учебного заведения 1-й категории. Вместе с директором Центральной комсомольской школы Н. В. Трущенко мы несколько месяцев разрабатывали учебные программы и планы ВКШ, которые имели огромную специфику по сравнению с государственными гуманитарными вузами. Это был еще один импульс для расширения моих знаний об обществе и молодежи.

В 1970 г. я был назначен главным редактором журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь», где прошел отличную школу. Журналистика давно манила меня, я довольно часто печатался в разных изданиях, почему, собственно говоря, меня, не имеющего журналистского образования, и определили «главным», хоть и не в самый престижный журнал. Зато теперь я сам решал, в какие города, республики и области страны лететь, о чем писать мне и моей журналистской команде. Мы сделали журнал гораздо интереснее и полезнее, чем он был прежде, его тираж перевалил за 2 миллиона.

Лично для меня почти пятилетняя работа в журнале стала еще одной школой познания страны и ее молодого поколения. Уже немало зная проблемы развития советского общества, положения молодежи и ее нужд, выше всех чувств во мне жила высокая гордость за величие и могущество державы, а рядом — страстное желание сделать что-то такое, чтобы устранить все химеры, которые мешали всем — молодым, пожилым и старым жить радостней и счастливее.

В те годы по вечерам раз в неделю я ходил слушать лекции заведующего отделом Института социологии профессора Игоря Васильевича Бестужева-Лады по прогнозированию (тогда все любили слово «футурология»). Потом познакомился с Побиском Георгиевичем Кузнецовым. Он пригласил меня в свой кружок, в котором группа его коллег знакомилась с работами зарубежных ученых по вопросам общей теории систем и системного анализа. Переводом с английского на русский занимались Спартак Никаноров и Марина Ветцо.

Некоторое время я не мог понять, почему занятия проходят по вечерам в одном из подвальных помещений Московского педагогического института им. В. И. Ленина,

практически тайно. Позднее узнал, что парторганы ЦК считают, что общая теория систем противостоит марксистско-ленинской диалектике и тем самым вредна для умов членов партии. Не зря же Ленин разгромил «Тектологию» (Всеобщую организационную науку) А. А. Богданова! Между тем именно она и лежит в основе «Общей теории систем» Людвиг фон Бергаланфи... Но вскоре труды по этой «запретной» теме стали открыто публиковаться в СССР. Так я оказался тогда на пике знаний двух новых для советских исследователей направлений науки. И. В. Бестужев-Лада и П. Г. Кузнецов внесли существенный вклад в стиль моего мышления.

И вдруг пришло ощущение, что я начал «закисать» в журнале. Попросил ЦК комсомола рекомендовать меня на учебу в Дипломатическую академию Министерства иностранных дел СССР. Выдержав «закрытый» конкурс в Международном отделе ЦК КПСС (19 человек на одно место), а затем конкурс на экзаменах в самой Академии, я стал одним из ее 18 слушателей-первокурсников. В Академии я встретил много интереснейших людей и узнал много необычного, о чем никто не писал и не говорил за ее стенами.

Скажем, на лекциях заведующего кафедрой философии профессора Владимира Алексеевича Карпушина мы слышали иногда для того времени нечто совершенно потрясающее. Однажды, этак между прочим, сказал, что тезис К. Маркса об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, который и ведет на баррикады, зовет к революции, как показала история, не оправдал себя. Мы остолбенели. В другой раз сообщил, что от идеи мировой революции и диктатуры пролетариата И. В. Сталин отказался еще в 20-х годах; что он же, И. В. Сталин, готовил новую Конституцию СССР, в которой планировались открытые, прямые выборы в Советы народных депутатов трудящихся, вводилось тайное голосование; что почти два миллиона «лишенцев» (неблагонадежных граждан) допускались к выборам и ярлык «лишенцев» снимался с них навсегда; и что-то еще в этом роде. Но Сталину не дали осуществить свои планы (как ни странно это понимать) сплотившиеся секретари ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов партии...

Мы были в шоке.

Карпушин не делал никаких ссылок на источники такой информации, но советовал употреблять эти сведения «там», за рубежом в спорах с антисоветчиками, а пока находимся в СССР — помалкивать. Мы, слушатели, были в шоке, терялись в догадках, по-за углом спорили меж собой. Что это — десталинизация? Ведь о том, что говорил нам Карпушин, знал ректор Академии В. И. Попов, и он не ругал Карпушина... Значит...

Сильнейший удар по моему сознанию был нанесен в сентябре 1976 г. во время трехмесячной командировки в Посольство СССР в Канаде, куда я был отправлен Дипломатической академией для завершения моей дипломной работы по теме «Средства массовой информации Канады и их роль в идеологической борьбе в условиях разрядки международной напряженности» и «доводки» английского языка...

Перед командировкой, как и было положено, я прошел инструктаж в Международном отделе и Отделе пропаганды ЦК КПСС. В обоих отделах, кроме всего прочего, мне было поручено («при удобном случае, в мягкой форме») передать послу А. Н. Яковлеву, что «в ЦК КПСС не вполне удовлетворены тем, как Посольство СССР пропагандирует в Канаде советский образ жизни».

После двух мимолетных встреч на приемах в посольстве я попросил Яковлева принять меня и через пару дней меня пригласили к послу в его кабинет.

Первое, что я сделал, передал Яковлеву письмо от ректора Академии В. И. Попова, в котором он просил оплатить мои занятия английским в знаменитой *Berlitz School* и просил посла быть моим неофициальным консультантом по дипломной работе. Яковлев был известным американцем. Прочитав послание, посол спросил:

— Текст готов? Давайте. Почитаю... Что еще?

И тут я изложил поручение отделов ЦК КПСС...

— Что?! — взорвался Яковлев. Вскочил из-за стола и со своей негнущейся после ранения на фронте правой ногой стал быстро кондыбать по кабинету, буквально крича:

— Какой еще «советский образ жизни»? О чем речь? «Развитой социализм»? Где он — этот «развитой»? Вместо него — «разумные потребности»! Какие они должны быть — «разумные»? Через три года наступит восьмидесятый год, когда в СССР, как обещал Хрущев, наступит коммунизм. Где он? Вы видите его хотя б на горизонте? Чертовщина какая-то!.. Они присылают мне тысячи брошюр АПН и прочие агитки, мои работники рассовывают их по почтовым ящикам жителей Оттавы и других городов, а по утрам мы видим нашу продукцию в мусорных ящиках... Советский образ жизни...

Последнюю фразу Яковлев выговорил медленно, с растяжкой по слогам и, весь багровый лицом, сел в кресло. Долго-долго, молча с какой-то растерянностью смотрел мне в глаза...

Потом слегка хлопнул ладошкой по столу, усмехнулся:

— Ну, это так, между нами... Договорились? А текст твой я читаю...

Тогда я знал: Яковлев два года работал заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, потом восемь лет исполнял обязанности заведующего этим отделом. Идеологическим! И вот тебе на!.. Конечно, ему обидно слушать замечания своих бывших подчиненных... Но... что он говорил, главный идеолог КПСС!.. Это же чистая антисоветчина! Я долго не мог очухаться от этого разговора, пытался оправдать слова Яковлева и так, и этак — не получалось. И пришел к выводу, что там, «наверху», у них что-то очень не ладится...

Теперь мы знаем, что представлял собой Яковлев на самом деле уже в те годы, на кого он работал. Но это тема отдельного исследования...

Дипломатическую академию МИД СССР я окончил с отличием в июне 1977 г. по специальности «дипломат», свободно владея английским и «бегло» немецким языками, но от дипломатической карьеры отказался по ряду причин, главная из которых — я узнал дипслужбу изнутри. Дело в том, что в течение трех лет обучения меня избирали заместителем секретаря парткома академии. Я хорошо знал профессорско-преподавательский состав, в котором были прекрасные люди, многие в ранге послов, «спи-санные» с практической работы по возрасту. Но были и персонажи, отправленные в Дипакадемию за свои «грехи». Ректор академии В. И. Попов, с которым у нас сложились прекрасные отношения, разбираясь в «скользких» делах, не желая «пачкать руки», иногда перепоручал их мне: «Примите меры по партийной линии». Положение мое в таких ситуациях было весьма нелепым: я — всего-то слушатель, ученик, а передо мной — учитель-преподаватель в ранге посла или советника. Отказать В. И. Попову я не мог и выполнял поручения, узнавая порой такие, мягко говоря, неприятные вещи, что становилось стыдно и горько не только за конкретного человека, но и за честь высокой организации, которой он служил. И это были не единичные случаи. Я жил в сомнениях: чем заниматься дальше, после окончания академии?

До выпускных экзаменов было еще довольно далеко, когда на одну из встреч со слушателями академии, которые обычно я, как заместитель секретаря парткома, и организовывал (но не в этот раз), приехал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Был момент, когда я рассказал ему о своих настроениях, и он тут же предложил мне перейти на работу в недавно созданный Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы на должность заведующего отделом... с должностной перспективой. Через сутки я дал согласие. Ведь в 1975 г., обучаясь в академии, я защитил кандидатскую диссертацию по истории, и в голове уже брезжила мысль о докторской. Меня устраивало абсолютно все: характер работы, ректор Н. В. Трущенко, с которым мы в 1968 г. вместе создавали ВКШ, да и зарплата — 400 рублей в месяц: по тем временам это были хорошие деньги, плюс гонорары, которые, я был уверен, будут не меньше оклада.

С этого дня месяца три мой трудовой день делился на две части: с 9 утра до 15 часов — академия, с 15:30 до 19 часов — НИЦ. После работы еще часа три-четыре уходило на выполнение домашних заданий по языкам...

Так я оказался в НИЦ и вскоре — в составе рабочей комиссии по подготовке нового второго варианта «Закона о молодежи» (Закон о молодежи ... , 2008а: 100–105). Теперь я уже не был молчаливником, мне было что сказать, я участвовал в дискуссиях.

Когда на первом же заседании было предложено сохранить в новом законопроекте то же название, что и в варианте проекта 1967 г., я предложил иное: «Правильнее всего для начала назвать этот закон “Закон о молодежи”». В. А. Саюшев поддержал мою позицию, подчеркнув, что законопроект по содержанию должен быть о молодежи, а не о повышении роли комсомола и молодежи в коммунистическом строительстве, потому что тогда отпадает ряд вопросов: хорошо, коммунистическое строительство, а при чем здесь вопросы семьи? Вы можете сказать — семья ради коммунистического строительства, но тогда возникает вопрос — а где же для человека, а не для коммунистического строительства? Мы должны, наверное, остановиться, что это законопроект СССР о молодежи». В конечном счете ЦК ВЛКСМ разослал в различные министерства и ведомства, а также в ЦК КПСС Закон Союза Советских Социалистических Республик «О повышении роли советской молодежи и молодежных организаций в коммунистическом строительстве» (Закон о молодежи ... , 2008б: 109–152).

К сожалению, и этот законопроект не был опубликован в печати, не обсуждался широкой общественностью. Его постигла та же участь, что и первый проект «Закона о молодежи». По какой причине? Об этом можно строить лишь догадки.

Начало славится концом!

Если инициатором первых двух законопроектов был Центральный комитет ВЛКСМ, то третью попытку инициировал Научно-исследовательский центр при Высшей комсомольской школе. А если отбросить ложную скромность, то это был директор этого Центра И. М. Ильинский.

Как уже говорилось, но я все же повторюсь, 29 октября 1986 г. на научной сессии, посвященной 10-летию НИЦ при Высшей комсомольской школе, я выступил с докладом «Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества» (Ильинский: Электронный ресурс).

В докладе, в частности, впервые говорилось: «Не на словах, а на деле мы должны признать объективную закономерность возрастания роли молодежи в жизни

нашего общества, а также известное несоответствие между потребностями общества и возможностями молодежи. Это противоречие диктует необходимость выработки **новой, более сильной, научно обоснованной молодежной политики КПСС и Советского государства** как способа преодоления означенного противоречия» (там же).

Под «молодежной политикой» в этом первом изложении ее концептуальных основ применительно к новой проблемной ситуации, сложившейся в стране в период «перестройки», понималась, во-первых, «система идей и теоретических положений о молодежи, ее места и роли в обществе», во-вторых, «практическая деятельность государства, общественных организаций и других социальных институтов по реализации этих идей и положений в целях формирования и развития молодежи, реализации ее творческих потенций в интересах общества» (Ильинский, 1987а).

Началась работа, как и положено в таких случаях, с разработки концепции законопроекта, обоснования необходимости, структуры по разделам, главам и пунктам, формулировка хотя бы основных правовых норм и т. д. Из числа работников НИЦ, наиболее ярко проявивших себя в дискуссиях на круглых столах, я отобрал человек пятнадцать, и мы уехали на несколько дней в дом отдыха ЦК комсомола «Олимпиец», чтобы выполнить эту работу.

Все оказалось не так просто... Ежедневно с вечера до поздней ночи я по очереди встречался с каждым из разработчиков различных разделов и глав концепции, и мы обсуждали подготовленный материал. Так — день, два, три... Стало ясно: далеко не всякий хороший доктор философских, социологических, исторических наук способен мыслить языком права. Один за другим члены группы покидали «Олимпиец» и уезжали в Москву, в НИЦ... В конце концов в «Олимпийце» со мной остались Д. Р. Полльева, Вал. А. Луков, Н. А. Гостева, С. Б. Пучинский, С. А. Алещёнок. Эта группа и «сотворила» первую концепцию «Закона СССР о молодежи» не в столь «широком» смысле, как в Швеции, но и не столь «узкую», как «Об общих началах...», каким в конце концов был принят закон в апреле 1991 г., как результат компромисса между его сторонниками и противниками в ВС СССР, на основе которой и осуществлялась разработка первых вариантов законопроекта.

Сегодня, когда слова «молодежная политика» укрепились в практике государственной деятельности и стали правовым термином, не следует забывать, что до 29 октября 1986 г. они *никогда* не употреблялись применительно к условиям СССР.

Необходимо сказать, что утверждение концепции и самого термина «государственная молодежная политика» было **делом политической и идейной борьбы**, а не просто теоретическими изысками. Каждая публикация с такого рода идеями рассматривалась чуть ли не как покушение на советский строй.

В преодолении цензурного запрета на обсуждение истинного положения молодежи в стране и государственных мер по изменению уже весьма напряженной ситуации в молодежной среде огромную роль сыграла публикация в главном теоретическом журнале КПСС «Коммунист» моей статьи «Развитие социализма и молодежь» (Ильинский, 1987б). И хотя «перестройка» и «гласность» журналом активно пропагандировались как линия партии, публикация статьи, где вскрывались *социальные проблемы молодежи* и доказывалось, что их решение невозможно без масштабных государственных мер, составила для редколлегии большую проблему. Я знаю это из разговора с заведующим отделом журнала В. Колесниковым, который «вел» мою статью.

Не следует также упрощать дело, считая, что НИЦ и его директор пользовались монополией на истину, поскольку находились в системе ЦК ВЛКСМ. Во-первых, параллельно вдруг начали лихорадочно работать другие группы исследователей, в которые входили, среди прочих, известные «молодежники» тех лет. Иногда конкуренция концепций молодежной политики напоминала гладиаторские бои: Комитет Верховного Совета СССР по молодежной политике призывал группы разработчиков и устраивал их прямой диспут, наблюдая со стороны, кто же возьмет верх. Но как ни тузились наши соперники, у них ничего не вышло.

Во-вторых, «вдруг» исключительно сложными стали отношения НИЦ и ЦК ВЛКСМ. Руководство ЦК поначалу ухватило за мою инициативу, полагая, видимо, что в перестроечное время это шанс проявить себя представителем интересов молодежи в формах законотворчества. И неожиданно для нас охладело к тому, что было уже сделано нами и одобрялось в аппарате ЦК.

Прошло целых 14 месяцев, то есть более года, прежде чем 31 августа 1987 г. состоялось заседание Бюро ЦК ВЛКСМ, которое приняло решение «Об участии комсомольских организаций страны в подготовке Закона СССР о молодежи». Проект постановления Бюро был подготовлен мною и принят без изменений, но это стоило больших усилий и нервов. В соответствии с этим постановлением была образована Комиссия ЦК ВЛКСМ по разработке и рассмотрению предложений в проект Закона СССР о молодежи в составе 74 человек. Председателем комиссии стал первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко, а я, будучи директором НИЦ при ВКШ при ЦК ВЛКСМ, — его заместителем.

Надо сказать, что совещания этой комиссии, в которую входили лица высоких рангов разных министерств и ведомств, включая КГБ СССР и МВД СССР, проводить приходилось, как правило, мне. В. Мироненко произносил вступительную речь и, ссылаясь на огромную занятость, удалялся. А споры были обычно очень жаркие. Далеко не все члены комиссии выступали «за» закон. Многие упирались в финансы: где взять деньги? Какой смысл принимать закон, если он не обеспечен бюджетом? Держать удар было тяжело...

НИЦ поручили создать Временный творческий молодежный коллектив (ВМТК) в количестве до 20 человек для разработки концепции, структуры и текста проекта Закона СССР о молодежи.

Моя идея образования Временного молодежного творческого коллектива заключалась в том, чтобы в создании проекта Закона о молодежи активно участвовали наиболее талантливые в области права молодые юристы под руководством специалистов старшего поколения. В НИЦ был создан отдел теоретических и правовых основ государственной молодежной политики. Начальником этого отдела я назначил 27-летнюю Д. Р. Полыеву, которая совсем недавно работала в нашем Центре младшим научным сотрудником и только что защитила кандидатскую диссертацию. Однако почти во всех дискуссиях на круглых столах, которые проводились поначалу два-три раза в месяц для наработки новых идей и выявления наиболее способных молодых исследователей, именно Полыева быстрее всех прогрессировала в понимании существа принципиально нового законопроекта по сравнению с двумя предыдущими.

Постепенно, но быстрее всех в работу включился Валерий Андреевич Луков — человек творческий, многосторонних знаний, в высшей степени работоспособный, филолог и журналист по образованию. Ему не хватало юридической техники, но он

быстро освоил ее. Вместе с Полыевой они составляли отличный дуэт, поочередно ведя партию то первым, то вторым голосом. Им отлично помогали С. Б. Пугинский и С. А. Алещёнок. Мы приглашали молодых ученых с Урала и из Сибири, с Украины и из республик Прибалтики (Закон о молодежи ... 2008b: 327–328). Из Ленинграда к нам приезжал тогда аспирант ЛГУ Дмитрий Медведев (позже — Президент РФ в 2008–2012 гг.), нынешний Председатель Правительства РФ.

К нашему счастью, за идею ГМП ухватились многие центральные и местные молодежные телеканалы и радиостанции, газеты и журналы. Информационный бум охватил многие сотни тысяч комсомольских организаций и миллионы молодых людей. Казалось, мы близки к финишу.

Но довольно скоро ситуация вновь изменилась. И хотя законопроект обсуждался на XX съезде ВЛКСМ и на пленумах ЦК ВЛКСМ, а секретари ЦК стали частыми гостями в НИЦ, в комсомольских «верхах» наметилось новое охлаждение к идее государственной молодежной политики. Тогда, в 1987–1991 гг., когда закон пробивал себе дорогу и шла ожесточенная борьба его сторонников и противников, за бесконечной чередой дискуссий трудно было увидеть суть этих игр в руководстве комсомола и аппарате КПСС.

Сегодня, четверть века спустя, становится ясным, что дело заключалось не в отдельных положениях предложенной нами концепции, а в ее принципах: с повышением ответственности государства за решение проблем молодежи на задний план отодвигалась организация, которая представляла партию в молодежной среде, и у этой организации (у комсомола), по сути дела, отбиралась одна из его важнейших функций — социальная.

Парадокс ситуации состоял в том, что до выхода из печати моей книги «ВЛКСМ в политической системе советского общества» (Ильинский, 1981) во всех партийных и комсомольских документах, исторической литературе были определены только две функции комсомола: 1) помощник партии, 2) резерв партии (в пополнении ее рядов и кадрового состава).

Я же, исходя из интересов самой молодежи, вступающей в ряды молодежной организации, выделил еще несколько функций, и среди них — социальную, функцию защиты интересов молодежи в сфере труда, учебы, быта, отдыха, то есть оказания ей реальной помощи в трудоустройстве, в получении жилья, мест в детских яслях и садиках и т. п. Это вызвало несогласие в партийных и комсомольских органах: комсомол и так уже немало делал в этой области за счет собственных возможностей. И масштабы этой деятельности росли. Что еще нужно?

Однако объем социальных потребностей молодежи намного превышал возможности комсомола. И никто не покушался на его права в этой области. Просто для фундаментального решения этих проблем была нужна еще и мощь государства (там же: 160–161).

На одно из заседаний ВМТК, когда рассматривался очередной вариант законопроекта, в НИЦ приехал сам В. Мироненко и в завершение дискуссии в мягкой, но определенной форме сказал, что дело у нас не клеится, ЦК разочарован. В ЦК КПСС якобы поговаривают о том, что закон вообще не нужен... Иначе говоря, мне давали понять, что и в государственной молодежной политике тоже нет необходимости...

Это был первый (и не последний!) момент, когда я мог опустить руки и бросить всю эту затею, если против нее сосредоточились такие силы. Но мы уже прошли значительную часть дороги и понимали, что идем по правильному пути. Кроме того,

на кону стоял мой личный престиж: после такого провала надо было подавать в отставку.

Я опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Зачем нужен закон о молодежи?» (Ильинский, 1988). Просто так, в порядке дискуссии. И — о случай!..

Мне позвонил один из помощников Горбачева Г. Л. Смирнов: «Прочитал вашу статью. Мы тут в Горках-10 один документ готовим. Не могли бы подъехать?..»

В Горках-10, на бывшей даче А. М. Горького, группа консультантов ЦК КПСС готовила Горбачеву доклад для встречи с молодежью. Полдня у меня выпытывали все, что я хотел бы вложить в уста Горбачева, попросили кое-что положить на бумагу и на следующий день отпустили.

Я ликовал. Рассказал обо всем Мироненко. ЦК опять заинтересовался тем, как идет наша работа. Однако радовался я недолго. По какой-то причине встреча Горбачева с молодежью не состоялась...

И снова — господин Великий случай!..

За три дня до XIX партийной конференции, 25 июня 1988 г., на дачу в Быково из ЦК комсомола за мной примчалась машина: «мобильников» тогда еще не существовало, а единственный на весь дачный городок телефон не работал. «Вас просят срочно приехать в ЦК комсомола».

В кабинете «первого» собрался Секретариат ЦК. Мне сообщили, что Горбачеву не понравился раздел о молодежи в его доклад. К вечеру надо сдать новый вариант, страницы три-четыре. Я попросил дать мне часа два, чтобы составить текст. Секретариат согласился. Я успел быстро изложить то, что уже год носил в голове, и вскоре мы обсуждали новый текст. Все идеи, а главное — о ГМП и Законе о молодежи, были приняты.

XIX партконференция начала работу 28 июня, а это — день моего рождения. Я со своими заместителями сидел в моем кабинете у телевизора, слушал доклад Горбачева и ждал, когда он дойдет до раздела о молодежи. Передо мной на столе лежал текст, который я сочинял два дня назад. И вот Горбачев начал его читать и озвучил практически без каких-либо изменений. Сказал о ГМП, о законе. Теперь можно было радоваться по-настоящему... И работать, работать!..

Но не тут-то было! «Где-то» «кто-то» и, видимо, не слабый, тормозил процесс...

Тогда в январе 1989 г. я подготовил записку в ЦК КПСС, в которой на двадцати страницах изложил свои взгляды о положении молодежи и молодежной политике в СССР с предложением рассмотреть эти вопросы на одном из ближайших пленумов ЦК партии (Закон о молодежи ... , 2008b: 89–110).

Через некоторое время раздался звонок зав. сектором ЦК КПСС Ю. Г. Ошлакова, который (сектор) держал непосредственную связь с ЦК ВАКСМ. Безрадостным тоном он сообщил мне, что моя записка получена, изучена, и ему поручено (на всякий случай) сформулировать повестку возможного пленума ЦК КПСС по проблемам молодежи. 20 февраля 1989 г. я направил в ЦК КПСС на имя Ю. Г. Ошлакова письмо, в котором ответил на его вопросы (там же).

Однако, думаю, моих аргументов для ЦК КПСС оказалось недостаточно. Было решено провести деловую игру по проблемам молодежной политики КПСС. Эта игра состоялась 4–10 января 1990 г. в городе Новогорске Московской области, на спортивной базе, где тренировались тогда сборные команды по разным видам спорта. Для участия в игре были приглашены работники партийных органов, народные депутаты

СССР, видные ученые, представители ЦК ВЛКСМ и др. В игре и подготовке Платформы КПСС по отношению к молодежи участвовали основные разработчики проекта Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Я возглавлял нашу группу.

За неделю интенсивной работы разношерстная команда «игроков» численностью около 20 человек сочинила Платформу КПСС по отношению к молодежи. Весьма интересный документ получился, но только в тех частях, которых я не касался в своей концепции ГМП. Любопытствующих отсылаю к сборнику «Закон о молодежи» (Закон о молодежи ... , 2008b: 116–142).

А я выделю из Платформы лишь несколько формулировок, которые подтверждают, что я и мои соратники изначально стояли на верном пути.

Во Введении к Платформе говорится: «**Партия в процессе перестройки сильно запаздала с выработкой молодежной политики, с разработкой конструктивных мероприятий, направленных на существенное улучшение положения молодежи**» (там же: 116).

Из раздела «Основные проблемы молодежи», которых «игроки» насчитали восемь, назову только две первые.

«1. **Молодое поколение — это незащищенная в экономическом смысле часть общества.** Низкое материальное положение, невысокие доходы, жилищная неустроенность — все это характерно для молодежи и молодых семей. Государственная помощь молодым семьям незначительна.

2. В обществе низок престиж образованности, профессионализма. Знания, способности, таланты, не востребованные социальной практикой, иссушают душу молодого человека осознанием бессмысленности жизни. **Молодежь теряет себя в этом мире**» (там же: 119).

В разделе «Основные принципы разработки молодежной политики» мою душу греет принятый «игроками» не «узкий», а «широкий» взгляд на молодежную политику, который я отстаивал в дискуссиях и одержал верх.

В Платформе сказано: «В качестве основных сфер молодежной политики можно выделить:

- 1) народное образование;
- 2) различные области трудовой деятельности (промышленность, сельское хозяйство, сфера обслуживания, наука, культура, образование и т. д.);
- 3) учреждения культуры;
- 4) здравоохранение;
- 5) право;
- 6) средства массовой информации;
- 7) общественные организации;
- 8) спортивные организации;
- 9) армия» (там же: 127).

В разделе «Молодежная политика в отдельных сферах общественной жизни» тезисы об образовании звучат так, будто это написано умным человеком только что. «Сегодня **радикальные изменения в сфере образования должны исходить из нового понимания его места и целей в развивающемся, демократическом обществе...**

В таком обществе образование не может быть избыточным: демократическое развитие общества, участие в его управлении широких масс и, в первую очередь, молодежи не может быть осуществлено без высокого уровня образования и культуры наро-

да. Демократия без образования — это источник ошибочных решений из-за некомпетентности и низкого профессионализма.

Образование по сути своей является основной сферой, где молодой человек в период своего становления должен находить условия для самореализации, раскрытия своих способностей и склонностей и удовлетворения потребности в интеллектуальном, духовном, нравственном и физическом развитии» (там же: 129).

2 июля 1990 г. состоялся **XXVIII съезд КПСС**, который принял **резолюцию «О молодежной политике КПСС»**. В резолюции говорилось: «**Съезд считает необходимым ускорить выработку и практическое осуществление эффективной, целостной политики по отношению к подрастающему поколению**, которая должна обеспечивать создание реальных условий и стимулов для всестороннего развития личности, осуществления жизненных целей молодых людей, включения их в активную политическую, социально-экономическую деятельность.

Съезд считает, что молодежная политика партии должна осуществляться путем участия партийных организаций и коммунистов в выработке и реализации этой политики **государственными органами**, а также их непосредственной работы с молодежью.

Съезд выступает за **формирование государством эффективных социальных, экономических, юридических механизмов выработки и реализации молодежной политики на всех уровнях**, учитывающих региональные и национальные особенности, от сельского и поселкового Совета до Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, высказывается за создание структур в органах законодательной и исполнительной власти, занимающихся проблемами молодежи. Важно, чтобы в разработке и реализации молодежной политики активно участвовала сама молодежь, но при этом на **ВЛКСМ**, другие молодежные организации не должны возлагаться государственные обязанности по отношению к молодому поколению.

Съезд высказывается за необходимость скорейшего принятия закона СССР и законов союзных республик **об общих началах государственной молодежной политики**, разработку нормативов и социальных показателей, касающихся молодежи, включение специальных молодежных разделов в союзный, республиканские и региональные планы социально-экономического развития...

Съезд считает целесообразным **создание комиссий ЦК КПСС**, местных партийных комитетов по вопросам молодежной политики партии».

Увы, но это было **решение, запоздавшее на многие**, хотя бы перестроечные годы. Если бы закон СССР такого типа, как закон «Об общих началах государственной молодежной политики», был принят в 1967 г. или хотя бы в 1977 г., то его следствием было бы неминуемое перераспределение функций между партией, государством, профсоюзами, комсомолом, который, я думаю, сохранил бы свою ведущую роль среди вновь возникших организаций. При этом за партией осталась бы главнейшая функция в политической системе общества — политическая, связанная с определением стратегии развития страны, контроль за деятельностью всех других звеньев политсистемы. Жизнь советского общества, неохватная по своим масштабам и сложности для одной организации, даже с такой всепроникающей структурой, какой она была у КПСС, двигалась бы вперед не бесчисленными по количеству решениями ЦК, пленумов и съездов, а законами. В данном конкретном случае — законом о государственной молодежной политике с системой подзаконных актов.

Государство, в руках которого находились все народное хозяйство и финансовый бюджет, в таком случае получало под свою опеку еще один специфический слой насе-

ления, о котором оно по своей природе обязано заботиться, скажем, так же, как об уходящих, слабых, зависимых поколениях... Дети и новые поколения младшего возраста (юношество) также относятся к категории слабых, зависимых людей, нуждающихся в поддержке и помощи. Конечно, здесь многие обязанности и ответственность ложатся на семью. Это правильно. Но и семьи бывают слабые и зависимые, нуждающиеся в поддержке со стороны государства. Это не только те семьи, где мать и отец — инвалиды и потому — малоимущие. Это и молодые семьи, в которых матери и отцу по 18–20 лет. Да, они вырастут и, вполне вероятно, станут «сильными». Но в начальный период супружества они во множестве случаев оказывались беспомощными в решении ключевых вопросов жизненного старта: найти работу с достойным заработком, получить жилье, место в яслях или детском садике в том случае, если отец не был в состоянии прокормить семью, и жена была тоже вынуждена работать.

Нельзя сказать, что эти вопросы находились вне сферы забот Советского государства. Так или иначе, все названные вопросы были в поле зрения и партии, и государства, и комсомола, хотя задача его низовых звеньев сводилась в основном к роли «сигнальщика» — комитеты комсомола заводов, фабрик, колхозов, совхозов и других предприятий ставили «острые» вопросы перед партийными и государственными властями. Однако о том, что получалось в итоге, хорошо говорит шутка тех времен: «Если вопрос поставлен правильно, то он будет стоять вечно».

Правды ради надо отметить, что острота «стартовых проблем» молодежи в советские годы во многом определялась тем, что молодые люди создавали семьи в 18–19–20 лет, заводили, как правило, по два-три ребенка, а молодежи от 14 до 28 лет в СССР было более 70 миллионов человек, то есть более 25% населения страны. Иначе говоря, ситуация со «стартовыми возможностями» в СССР выглядела гораздо лучше, чем в нынешней России, где супружеские пары обычно создаются в возрасте после 25, а то и 30 лет, родители решаются, как правило, завести одного, кое-кто двух детей, ну а третий — большая редкость.

Решение партии «О молодежной политике КПСС» и «Закон о молодежи», будь они приняты даже чуть раньше разрушительной «перестройки», могли бы решительно улучшить настроения молодежи, которая и без того в подавляющем большинстве была «за» социализм.

Однако сокрушительные удары, которые нанесли США в середине 1980-х годов по экономике СССР, предательская политика бесконечных уступок Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе на всех фронтах как внешней, так и внутренней политики резко ухудшили и без того невысокое материальное благосостояние населения СССР.

Больше всех пострадала молодежь. Вопрос «Легко ли быть молодым?» стал предметом бесчисленных дискуссий в средствах массовой информации, на собраниях и диспутах молодежи. В конечном счете «архитекторы» и «прорабы» перестройки умело использовали вспыльчивость молодежи как в центре, так и (особенно активно) в национальных республиках. Именно молодежь использовалась в качестве детонатора на митингах и демонстрациях, доводя ситуацию до кровавых столкновений.

В ту пору я говорил и писал в прессе уже не о конфликте поколений, которого, как утверждалось в советской философской литературе, в социалистическом обществе и быть не могло, а о «разрыве поколений» (*generation gap* — англ.), когда новые, входящие в жизнь поколения («дети») отвергают идеалы и ценности предшествующих,

старших поколений («отцов»), не хотят слушать и не слышат их, не верят их словам. Со мной не соглашались даже некоторые уважаемые мною коллеги. После публикации в «Известиях» статьи на эту тему в редакцию газеты пришло немало писем с возмущением по поводу моих взглядов. Авторы писем требовали привлечь меня к партийной ответственности, а некоторые, помню, требовали, чтобы меня арестовали и расстреляли.

Конечно, далеко не все «дети» выступали против своих «отцов». Такого не бывало ни в одной из революций, происшедших за века в разных странах мира. Не было такого в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, в жестокие годы Гражданской войны в России, когда сын шел против отца, а брат на брата. Но не каждый сын и не каждый брат. Гипербола, принятая некоторыми за абсолютную истину. Но надо бы знать, что те, кто преувеличивает то или иное явление, лишь обличают свое бессилие перед пониманием реальности.

«Архитекторы перестройки» задумывали ее как «революцию в революции» и всей мощью партийной пропаганды в союзе с западными СМИ сумели оглушить, одурачить немалую часть населения СССР, как «отцов», так и прежде всего — «детей», наиболее открытых для внушения и манипулирования их сознанием. Яковлев с помощью подчиненных ему СМИ сумел достичь поставленной цели — сравнить «отцов» и «детей». Стоит заметить, что резолюция XXVIII съезда партии о ГМП при всей ее запоздалости и никчемности вряд ли была бы принята, если бы Яковлев оставался вторым секретарем ЦК КПСС и продолжал «рулить» идеологией. К тому моменту он был уже исключен из партии.

Дело в том, что государственная молодежная политика всей своей сущностью направлена не на раскол общества, не на конфликт и уж тем более не на разрыв поколений, а на союз «отцов» и «детей», на укрепление взаимодействия старших и младших поколений.

В моем представлении, с помощью ГМП, понимаемой в широком смысле, можно (и следует) целенаправленно **образовывать** новые поколения и **управлять процессом преемственности** в развитии общества от Настоящего к Будущему в соответствии с принятой обществом стратегией. В этом случае понятие и содержание ГМП существенно изменяются, расширяются. В сферу ГМП попадают образование (воспитание и обучение), культура в широком смысле этого слова, включая культуру физическую, система здравоохранения и другие направления деятельности государства и общества, как это было показано в Платформе КПСС, связанные со **становлением и развитием** человека.

«Молодежь — это будущее», «Будущее принадлежит молодежи» — это не лозунги, которые достойны лишь того, чтобы украшать ими фасады зданий, носить на парадах и демонстрациях. Это, осмелюсь утверждать, **научные формулы**, которые несколькими словами в «свернутом» виде содержат в себе всю философию молодежи. Ударяться в долгие рассуждения по этому поводу здесь неуместно, но отметить, что каждая из этих формул истинна и ее не может опровергнуть самый изощренный софист, берусь. Более того, истина эта доступна самому простому человеку — дворнику, кухарке.

Наконец наступил момент, когда я мог отойти от повседневного участия в работе группы и думать о том, а что там происходит с законопроектом. Он улучшался от варианта к варианту, обретая те содержание и форму, когда его можно было пустить на повседневное обсуждение в Комитет по делам молодежи Верховного Совета СССР, где

75 молодых депутатов (квота ВЛКСМ) зачастую закидали без дела. Моя «команда» переместилась в ВС, который на долгое время стал их основным рабочим местом. После депутатских правок и дополнений проект закона становился в чем-то лучше, а в чем-то и хуже. Меня это не особо беспокоило: я видел и понимал, что теперь он в руках большой группы комсомольских посланцев, атмосфера вокруг проекта со стороны ЦК КПСС самая благоприятная и теперь рано или поздно он будет принят. Я позволил себе отойти от повседневного контроля за ходом дел и сосредоточился на работе в НИЦ, где продолжали работать сотни людей, а финансовая ситуация с каждым днем ухудшалась.

...16 апреля 1991 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О введении в действие Закона СССР “Об общих началах государственной молодежной политики в СССР”». Это был конец нашей борьбе за столь нужный обществу закон, которая длилась, если вести счет с 29 октября 1986 г. по 16 апреля 1991 г., более пятидесяти четырех месяцев. Но даже если начать счет с 31 августа 1987 г., когда Бюро ЦК комсомола приняло постановление об участии комсомольских организаций в подготовке законопроекта о ГМП, то и тогда выходит, что на доказательство партии, государству и комсомолу того очевидного факта, что дела с положением молодежи в стране выглядят неважно, что нужно срочно предпринять серьезные меры, чтобы улучшить их, а для этого следует принять закон о ГМП, ушло сорок три с половиной месяцев. Всего на два с половиной месяца меньше, чем на Победу в Великой Отечественной войне... И кто с кем воевал? Свои со своими. Против кого воевали? Против тех, кто нес обществу Истину и Добро детям «противника». Сумасшествие, да и только.

...Пятеро наиболее активных разработчиков закона — И. М. Ильинский, Д. Р. Полльева, Вал. А. Луков, С. А. Алещёнок, С. Б. Пугинский — были удостоены ЦК ВЛКСМ звания «Лауреат премии Ленинского комсомола». Победа?..

Знаменитый наш соотечественник Д. И. Менделеев высказал две мудрые мысли, которые прямо относятся к работе, проделанной нашей группой. Он говорил: «Справедливо считать творцом научной идеи того, кто не только признал философскую, но и реальную сторону идеи, который сумел осветить вопросы так, что каждый может убедиться в его справедливости, а тем самым сделал идею всеобщим достоянием...» И он же, Дмитрий Иванович Менделеев, утверждал: «Наука есть достояние общее, а потому справедливость требует не тому отдать наибольшую научную славу, кто первый высказал известную истину, а тому, кто сумел убедить в ней других, показал ее достоверность и сделал ее применимой в науке». А мы к тому же еще и Истину первыми высказали... Да, это была настоящая и значительная победа!

А в сентябре «самораспустился» комсомол.

А 26 декабря 1991 г. с географической карты мира исчезла великая держава — СССР.

Продолжение следует!..

Значение сделанного в 1986–1991 гг., несмотря на уничтожение СССР, не следует преуменьшать. Теоретические и правовые основы концепции ГМП, разработанные нами благодаря долговременной работе над законопроектом, прочно вошли в сознание миллионов людей благодаря множеству теле- и радиодискуссий в открытом эфире, которые длились порой (с перерывами) по два-три часа. Трудно назвать число публикаций в газетах и журналах, дискуссий на различных предприятиях.

С уничтожением СССР в декабре 1991 г. история Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» как юридического акта завершилась: он не вошел в состав нормативных правовых актов Российской Федерации. Но это был финал закона только по форме: его концепция, содержание, сформулированные правовые нормы продолжали оказывать решающее воздействие на весь процесс строительства правовых основ государственной молодежной политики, по крайней мере, до конца 1990-х годов.

Сразу после принятия закона резко активизировалась работа над соответствующими проектами в союзных и автономных республиках СССР, правовой статус которых позволял принимать нормативные правовые акты в форме законов. Уже 12 ноября 1991 г. был принят Закон Башкирской ССР «О государственной молодежной политике в Башкирской ССР». До конца года появились десятки законопроектов регионального уровня.

Были приняты законы о государственной молодежной политике (в некоторых случаях — о молодежи, о молодежной политике, о региональной государственной молодежной политике и т. д.) в Чувашской Республике (1992 г.), Республике Бурятия (1992 г.), Республике Татарстан (1993 г.), Кабардино-Балкарской Республике (1993 г.), Республике Хакасия (1993 г.), Республике Тува (1993 г.), Московской области (1995 г.), Оренбургской области (1995 г.), Ставропольском крае (1996 г.), Республике Мордовия (1996 г.), Омской области (1996 г.), Ханты-Мансийском автономном округе (1998 г.) и многих других российских территориях. Сегодня примерно в 50 субъектах Российской Федерации действуют такие нормативные правовые акты.

Хотя на федеральном уровне закона по-прежнему нет: на принятый в 1999 г. Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» Президент Б. Н. Ельцин наложил вето, которое депутаты Госдумы РФ не смогли преодолеть. В ряде субъектов Российской Федерации в принятые законы о государственной молодежной политике впоследствии вносились изменения и дополнения (в частности, в Чувашии, Башкортостане, Татарстане, Московской области и др.) — иногда в сторону ослабления финансовых рычагов содействия социальному становлению молодежи. Этим законы выхолащивались, и сохранялся главным образом фасад.

В целом приходится признать, что в «новой» России шаг за шагом задачи и планы ГМП в деятельности государства минимизировались, переводились на периферию социальной политики и политической жизни. Руководители правительства не понимали и не понимают, зачем нужна какая-то особая политика в отношении молодежи.

Комитет РФ по делам молодежи со скрипом открыли в 1992 г., потом семь раз закрывали и открывали вновь, пока, наконец, не закрыли совсем, передав некоторые его функции в Министерство образования, потом — в Министерство спорта, туризма и молодежной политики, чтобы вновь вернуть в Министерство образования и науки...

На федеральном уровне остались только некоторые символы — структуры, отвечающие за молодежь (уже не самостоятельные). Президентскую программу «Молодежь России», финансировавшуюся из расчета 2 рубля на молодого человека в год, в 2006 г. и вовсе перестали финансировать. К молодежи власть и политические партии обращаются главным образом перед очередными выборами, рассчитывая на дополнительные голоса.

В последние годы предприняты новые государственные меры в области молодежной политики. В частности, утверждены «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» (Об утверждении основ ... , 2014: Электронный ресурс), Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (Государственная программа ... , 2015: Электронный ресурс), издано распоряжение «Об утверждении стратегии развития воспитания на период до 2025 года» (Об утверждении стратегии ... , 2015: Электронный ресурс). Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646 утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», в которой отдельным пунктом выделено, что в целях размытия традиционных российских духовно-нравственных ценностей происходит наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь (Доктрина информационной безопасности ... , 2016: Электронный ресурс). Указом Президента РФ (от 01.06.2012 №761) «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» определена государственная политика по улучшению положения детей в Российской Федерации в соответствии с Конвенцией о правах ребенка (Указ Президента ... : Электронный ресурс).

Таким образом, идея государственной молодежной политики и законопроект, созданный в НИЦ 25 лет назад, после большой дискуссии в обществе, проработки с народными депутатами Верховного Совета СССР, специалистами различных министерств, учеными-правоведами, практиками и обретший силу закона великой страны, продолжают свою жизнь и после уничтожения СССР. И это не случайно: в момент принятия в своей предметной области он был лучшим: самым основательным, последовательным и конструктивным правовым актом такого уровня в мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ср. также: «Если “комсомольские исследования” носили скорее “заказной” характер, то работа другого, более академического направления чаще ориентировалась на объективный анализ молодежной проблематики» (Социология молодежи, 2001: 19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 12.11.2016).

Доктрина национальной безопасности Российской Федерации (2016) [Электронный ресурс] // Российская газета. 6 декабря. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 12.12.2016).

Закон о молодежи. Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России (2008а) : в 2 т. / сост. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М. : Изд-во Москов. гуманит. ун-та. Т. 1. 543 с.

Закон о молодежи. Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России (2008б) : в 2 т. / сост. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М. : Изд-во Москов. гуманит. ун-та. Т. 2. 547 с.

Ильинский И. М. (1987б) Развитие социализма и молодежь // Коммунист. №6. С. 20–27.

Ильинский, И. М. (1981) ВЛКСМ в политической системе советского общества. М. : Молодая гвардия. 239 с.

Ильинский, И. М. (1988) Зачем нужен закон о молодежи? // Комсомольская правда. 22 января.

Ильинский, И. М. (1989) Эти «ненормальные» шведы // Известия. 16 и 17 сентября.

Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика. Философия. Теория. Практика. М. : Голос. 696.

Ильинский, И. М. Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества [Электронный ресурс] // Русский интеллектуальный клуб. Электронный информационный портал. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4147/> (дата обращения: 12.11.2016).

Ильинский, И. М. (1987а) Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества // Молодежь-86 : сб. ст. / НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ. М. : НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ. 161 с. С. 18–34.

Нехаев, В. В., Нехаева, Т. Г. (1999) Социально-правовые аспекты реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. М. : Социум. 152 с.

Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года (2014) [Электронный ресурс] // Правительство России. 29 ноября. URL: <http://government.ru/docs/15965/> (дата обращения: 12.11.2016).

Об утверждении стратегии развития воспитания на период до 2025 года (2015) [Электронный ресурс] // Правительство России. 29 мая. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 12.11.2016).

Социология в России (1998) / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН. 696 с.

Социология молодежи (2001) : учеб. пособие / Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков, Ф. Д. Кадария и др. ; под ред. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону : Феникс. 576 с.

Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz4Sj30CrAB> (дата обращения: 12.12.2016).

XXV съезд КПСС. 24 февраля — 5 марта 1976 г. Стенографический отчет (1976). М. : Политиздат. Т. 1. 384 с.

Дата поступления: 12.12.2016 г.

*REVISITING THE HISTORY OF DEVELOPING THE THEORETICAL
AND LEGAL FOUNDATIONS OF STATE YOUTH POLICY IN THE USSR
IN THE COURSE OF PREPARING THE YOUTH POLICY BILL*

I.M. ILINSKIY

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article is written as a memoir by one the leading Russian experts in youth studies on how the development of state youth policy (SYP) began in the 1980s. This was the decade which saw the rise of the theory and concept of the SYP which led to the passing of the Youth Act spearheaded by the top thinktank in this field — the Research Center of the Higher Komsomol School, which had over 200 researchers among its staff.

The idea of the SYP was developed by the author of this article after a visit to an international conference in Västerås, Sweden in 1984. Although the Swedish youth faced many problems at the time, the country had a well-built state system to help solve them. The author felt that Russia lacked a scientifically grounded youth policy.

In 1986, at the research session celebrating the 10th anniversary of the HKS Research Center the author presented a paper titled “Problems of youth and youth policy under the acceleration of social and political development of Soviet society”. For the very first time in the Soviet Union, this report expounded the notion and the theoretical foundations of the SYP. The idea found support by Komsomol leaders, and other research centers joined the HKS in further working it out. The adoption of the very term ‘state youth policy’ was no mechanical act and came as a result of complex political and ideological struggle. The theoretical and legal foundations of the SYP were developed by the author in collaboration with his colleagues. The long course of preparing the bill helped these found-

dations enter the public life and social conscience of the Soviet society. The lifespan of the Act of the Basic Foundations of State Youth Policy in the USSR proved to be short: after the collapse of the Soviet Union it was not included into the body of laws of the Russian Federation. But this did not put an end to the idea – the Act's provisions, its concept and the legal norms it encoded still played a decisive role in shaping the state youth policy in the course of the next decade, at least until the turn of the century.

Keywords: state youth policy; youth policy; youth; youth issues; Zakon o molodezhi (the Youth Act); Research Center at the Higher Komsomol School

REFERENCES

Gosudarstvennaia programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016–2020 gody». *Pravitel'stvo Rossii* [online] Available at: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (access data: 12.11.2016). (In Russ.)

Doktrina natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii (2016). *Rossiiskaia gazeta*, 6 December [online] Available at: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (access data: 12.12.2016). (In Russ.)

Zakon o molodezhi. Dokumenty i materialy po istorii stanovleniia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (2008a) : in 2 vol., comp. I. M. Il'inskii and Val. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. Vol. 1. 543 p. (In Russ.)

Zakon o molodezhi. Dokumenty i materialy po istorii stanovleniia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (2008b) : in 2 vol., comp. I. M. Il'inskii and Val. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. Vol. 2. 547 p. (In Russ.)

Il'inskii I. M. (1987b) Razvitie sotsializma i molodezh'. *Kommunist*, no. 6, pp. 20–27. (In Russ.)

Il'inskii, I. M. (1981) *VLKSM v politicheskoi sisteme sovetskogo obshchestva*. Moscow, Molodaia gvardiia. 239 p. (In Russ.)

Il'inskii, I. M. (1988) Zachem nuzhen zakon o molodezhi? *Komsomol'skaia Pravda*, 22 January. (In Russ.)

Il'inskii, I. M. (1989) Eti «nenormal'nye» shvedy. *Izvestiia*, 16 and 17 September. (In Russ.)

Il'inskii, I. M. (2001) *Molodezh' i molodezhnata politika. Filosofii. Teorii. Praktika*. Moscow, Golos. 696 p. (In Russ.)

Il'inskii, I. M. Problemy molodezhi i molodezhnoi politiki v usloviakh uskoreniia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia sovetskogo obshchestva. *Russkii intellektual'nyi klub* [online] Available at: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4147/> (access data: 12.11.2016). (In Russ.)

Il'inskii, I. M. (1987a) Problemy molodezhi i molodezhnoi politiki v usloviakh uskoreniia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia sovetskogo obshchestva. *Molodezh'-86* : sb. st. Moscow, NITs VKSh pri TsK VLKSM. 161 p. pp. 18–34. (In Russ.)

Nekhaev, V. V. and Nekhaeva, T. G. (1999) *Sotsial'no-pravovye aspekty realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii*. Moscow, Sotsium. 152 p. (In Russ.)

Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki do 2025 goda (2014). *Pravitel'stvo Rossii*, 29 November [online] Available at: <http://government.ru/docs/15965/> (access data: 12.11.2016). (In Russ.)

Ob utverzhdenii strategii razvitiia vospitaniia na period do 2025 goda (2015). *Pravitel'stvo Rossii*, 29 May [online] Available at: <http://government.ru/docs/18312/> (access data: 12.11.2016). (In Russ.)

Sotsiologiya v Rossii (1998), ed. V. A. Iadova. 2e ed. Moscow, Izd-vo In-ta sotsiologii RAN. 696 p. (In Russ.)

Sotsiologiya molodezhi (2001): ucheb. posobie / Iu. G. Volkov, V. I. Dobren'kov, F. D. Kadariia et al., ed. Iu. G. Volkov. Rostov-na-Donu, Feniks. 576 p. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunia 2012 g., N 761 «O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody». *Sistema GARANT* [online] Available at: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz4Sj30CpAB> (access data: 12.12.2016). (In Russ.)

XXV s'ezd KPSS. 24 fevralia — 5 marta 1976 g. Stenograficheskiy otchet (1976). Moscow, Politizdat. Vol. 1. 384 p. (In Russ.)

Submission date: 12.12.2016.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета, президент Национального союза негосударственных вузов, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities; President, National Union of Nongovernmental Institutions of Higher Education; President, Union of the Nongovernmental Higher Education Institutions of Moscow and Moscow Oblast. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru